

**НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА КАЛМЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМИЧЕСКИХ
ПРЕДАНИЙ)****Мамутова Гиляна Николаевна**

магистрант ФГБОУ ВО «КалмГУ им. Б. Б. Городовикова», РФ, г. Элиста

Сарангов Владимир Трофимович

научный руководитель, канд. филол. наук, доцент кафедры "Филологии и социально-культурной деятельности", "Института Калмыцкой Филологии и востоковедения" "КалмГУ им. Б.Б. Городовикова", почетный работник высшего образования РФ, РФ, г. Элиста

Богатое духовное наследие калмыков представлено уникальным многожанровым устным поэтическим творчеством. Несказочная проза разнообразна по сюжетно-тематическому составу, включает в себя мифы, легенды, предания и устные рассказы. Произведения несказочной прозы, как правило, небольшие по объему и содержат установку на достоверность повествования.

В несказочной традиции калмыков предания занимают особое место. Предания — это устные рассказы с установкой на объяснение конкретно-исторических событий, реальных лиц, названий местностей. В данной статье рассмотрены некоторые мотивы и сюжеты топонимических преданий и легенд калмыков, поэтика и жанровая особенность которых не изучены, хотя они являются неотъемлемой частью духовной культуры народа.

Материалом исследования послужили топонимические нарративы из сборников «Семь звезд: Калмыцкие легенды и предания» (2004), «Мифы, легенды, предания» Свода калмыцкого фольклора (2017), а также образцы фольклора из репертуаров известных калмыцких сказителей.

Теоретическую и методологическую основу работы составили труды известных ученых, таких как: В. Я. Пропп, К. В. Чистов, Б. Н. Путилов, В. П. Аникин, Э. В. Померанцева, Н. А. Криничная, В. М. Гацак и др.

В последние годы актуальны исследования региональных фольклорных традиций. По мнению В. Я. Проппа, «создание сравнительной фольклористики в мировом масштабе есть дело довольно далекого будущего. Для этого нужны предпосылки. Одна из них — полное овладение, прежде всего, национальным материалом» [Пропп 1984: 26].

Согласно калмыцкой народной терминологии, предание называется «тууж» (букв. *история, повествование*). В отечественной фольклористике принято условное деление на две основные группы преданий: 1) исторические; 2) топонимические (географические). Из основных жанровых признаков преданий необходимо отметить следующие: 1) реалистичность; 2) сравнительно давнее время повествования.

Топонимические предания и легенды калмыков объясняют происхождение названий местностей, рек, озер, курганов и гор. Сюжетно-тематический состав рассматриваемого материала носит локальный характер, так как полностью зависит от местных условий географических объектов.

Исследователь К. В. Чистов в своей статье «Прозаические жанры в системе фольклора народов СССР», обращаясь к проблеме разграничения несказочных прозаических жанров,

характерным признаком называет «религиозность». По мнению ученого, для преданий характерны локальная, хронологическая и персональная приуроченность [Чистов 1974: 6-31].

Г. А. Левинтон считает, что легенда связана с религиозной тематикой, в ее основе всегда рассказ о чудесном, а предания повествуют о мирской жизни [Левинтон 2000: 45-47].

С точки зрения С. А. Каскабасова: «...деление предания на исторические и топонимические — чисто условное, и оно основано только на тематическом принципе. По существу и топонимическое предание имеет реальную основу, а в историческом предании нередко присутствует также топонимический мотив. Зачастую в таких случаях не содержание предания, а тема или мотив носит топонимический характер, поэтому очень нелегко различать эти два типа жанра» [Каскабасов 1990: 156].

В калмыцкой фольклористике необходимо отметить работы по несказочной прозе Д. Э. Басаева, В. Т. Сарангова.

Основным моментом для развития сюжета в предании является сам топоним или топонимический мотив, объясняющий название того или иного населенного пункта или географического объекта. К примеру, этимология названия поселка Нарын-худук, расположенного в Черноземельском районе Калмыкии. Согласно преданию, в давние времена по бескрайним степям кочевали калмыки со своим скотом. Они искали земли с водой и богатой растительностью. В каждом хотоне (поселении) был человек, который знал, как находить воду. В одном из хотонов жил бедный старик Церен с внуком Нараном. У них был худой старый верблюд и старая юрта. Куда бы старик ни шел, он всегда брал с собой внука, многому старался научить его. Внук Наран очень любил своего дедушку, тот рассказывал ему легенды о славных богатырях волшебной страны, их героических подвигах. Забыв про сон, Наран мог долго с интересом слушать рассказы деда о землях, о звездах, животных, растениях. Все это мальчик запоминал, непонятное спрашивал. Старик любил своего любознательного внука. Когда мальчику исполнилось тринадцать лет, умер старик Церен и внук Наран остался один.

В поисках новых мест и богатых пастбищ, люди страдали от зноя и нехватки воды. Мальчик Наран решил спасти свой хотон. Однажды утром, вместе с верблюдом, взяв немного воды и лопату, он отправился в степь искать колодец. Через три дня в хотон вернулся его верблюд. Люди, обеспокоенные исчезновением мальчика, отправились на его поиски. Нарана нашли в яме с водой. Он нашел родник и стал расширять его, как в это время песчаные края ямы обрушились на него и мальчик погиб. «Но ключик все же пробился на волю. Его вкусная, свежая вода спасла хотон от гибели. Колодец очистили, огородили. Так в степи появился Нарын-Худук — колодец Нарана. А позднее и хотон, расположившийся у колодца, стал называться так же» [Семь звезд 2004: 227-228].

Как видим, мотив гибели героя является развязкой сюжета. Вообще, в калмыцкой степи много мест со словом худук (колодец): Ацан-худук, Балдра-худук. Или, к примеру, Шатта — сельский населенный пункт в Ики-Бурульском районе Калмыкии. Название возникло от разновидности колодца Шатта-худг, который оборудовался лестницей (*шат*) для того, чтобы было удобно спускаться и чистить дно от ила и песка.

Испокон веков калмыки с почтением относились ко всем водным источникам, так как они играли важную роль в жизни людей, являлись основой их жизнедеятельности. Хозяину воды поклонялись, проводили обряды жертвоприношений с просьбой о благополучии рода, хотона. В топонимических преданиях калмыков устойчивые гидронимы очень широко представлены: *булг* (родник), *хол* (река), *нур* (озеро), *теңгс* (море), *дала* (океан). Особое, почтительное отношение калмыков к водным объектам и окружающему миру стало основой многочисленных повествований о родниках, реках, озерах.

Неподалеку от г. Элисты находится поселок Хар-Булук (букв. *Чистый родник*). Название не случайно, так как в этой местности расположены родники с целебной водой. Близ поселка растет одинокий тополь (вязь широколистный), являющийся памятником природы республиканского значения. Согласно преданию, дерево посажено в конце XIX в. буддийским монахом Пурдаш-багши, который привез росток из Тибета. Из ростка выросло большое

дерево, получившее название Одинокий тополь. Буддисты Калмыкии считают его священным деревом, совершают возле него обряды и молебны.

В калмыцкой традиции представлены интересные варианты предания о горе Богдо (*Богдо уул* — Священная гора), расположенной на территории современной Астраханской области, недалеко от озера Баскунчак. В одном из вариантов повествуется о двух богатырях: отце и сыне. Они пасли чужие отары овец, так как своего скота у них не было. Весной трава поднялась очень высоко, что за ней не видно было хищников, которые могли скрываться в степи. Тогда отправились отец с сыном на Урал, где уговорились взять с собою с гор по глыбе уральского камня. Сын взял камень поменьше, а отец — побольше. Так и отправились в долгий обратный путь. Младший богатырь обессилел, прилег отдохнуть и тут же умер. Отец, похоронив и оплакав сына, побрел дальше, так как очень хотел донести камень до родной юрты. Проходя мимо соленого озера, решил взять в рот щепотку соли. И, как только нагнулся за солью, гора навалилась на него всей своей тяжестью. Богатырь упал, а земля вокруг него окрасилась багряным цветом. Оттого-то гора имеет такой необычный оттенок. С той поры в степи стоит одинокая глыба под названием гора Богдо [Семь звезд 2004: 204].

Еще один вариант о горе Богдо был зафиксирован от талантливой сказительницы Бовуш Амбековой, в котором повествуется о семи ламах (священнослужителях), принесших огромный камень из Тибета и Монголии. Сотворив гору в местности Нижний Баскунчак, ламы прилегали на берегу и покинули этот мир [Амбекова 2006].

Сюжеты калмыцких вариантов топонимического предания о горе Богдо содержат устойчивый мотив гибели героя (-ев).

В 2008 г. в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН была основана серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»), в которой публикуются фольклорные архивные и полевые записи. В 2010 г. в этой серии издана книга «Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шааня» (Хранитель мудрости народной Шааня Боктаев). Богатый репертуар Шаани Васильевича Боктаева составляют сказки, легенды, предания, пословицы, поговорки, песни, благопожелания, небылицы и приметы. Рано оставшись сиротой, он был вынужден зарабатывать на жизнь тяжелым трудом, поэтому ему не удалось получить даже начальное образование. Зато обладал исключительной памятью. Позже, вспоминая суровые годы ссылки в Сибирь, Шааня Васильевич рассказывал: «Уже поздней ночью, когда родственники после трудового дня от мала до велика ложились спать, меня просили рассказать сказку или легенду. Я начинал рассказывать и время от времени спрашивал: „Слушает ли кто?“ и, если мне отвечали: „Слушаем, слушаем!“, я продолжал рассказывать. И так рассказывал, пока на мой вопрос „Слушаете ли?“ не слышал ответа. Убедившись, что все заснули, я тоже засыпал» [Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шааня 2010: 8]. В тексте «Яһж Эрэн Сэн Эдг гидг күн

шулм хораж» («Как Эрян Сян Эдег победил шулмуса») информант дает объяснение возникновения Ергенинской возвышенности: «Эрэн Сэн Эдг Андлваг алчкхла, Андлван шулм гергнъ залуһан хөөһөд һарад йовна. Тегэд, болд хоңшарарн һазр нудрад, Андлваһан хөөһөд йовад йовж.

Тегэд Андлваһан хөөһөд, һазр нудрад йовад йовснднь, Шиирин жирн зурһан толһаг эн шулм эмгн нудрад, толһас кеһөд хайчксн юмнж гиһөд келдг билэ гиж бичкндэн соңсж йовлав» [Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шааня 2010: 89–91]. *Когда Эрян Сян Эдег Андалву убил, Андалвы жена-шулмуска отправилась на поиски своего мужа. Тогда, стальным клювом разрывая землю, искала своего Андалву.*

В тех местах, где искала Андалву, разрывая землю, Ергенинские шестьдесят шесть возвышенностей эта шулма-старуха [сделала], перерывая, курганы сделала, говорили так, слышал в детстве.

Мотив чудесного исцеления содержит топонимическое предание о поселке Лола, названном в честь дочери старого калмыка Гаря Балзанова. Его единственная красавица-дочь тяжело заболела в восемнадцать лет и умирала на глазах. Отец приглашал различных знахарей, покупал лекарства, но ничто не помогало. Однажды, когда дочь попросила попить воды, он дал ей кумыс. После этого она выздоровела и эту местность называли ее именем Лола [Семь

Топонимические предания калмыков тесно связаны с историей, культурой народа, потому и на сегодняшний день сохранили живое бытование, являясь ценным источником при изучении вопросов генеалогического, этнического происхождения. Наряду с историческими преданиями, в сюжетах топонимических нарративов отражены конкретно-исторические события, связанные с названием местностей, с участием в них определенных родо-племенных групп, реальных лиц.

В сказочной прозе калмыков имеются самобытные сюжеты, мотивы, представляющие уникальный материал для проведения фольклорных, историко-этнографических исследований, так как в них отражены народные знания, исторические события, мифология, традиционная культура и религия народа.

Список литературы:

1. Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня (Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев) / сост. предисл., коммент. и приложение Б. Б. Манджиевой. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2010. 172 с. Серия «Өвкирин зөөр» («Сокровища предков»). На рус. и калм. яз.
2. Амбекова Б. П. Цецн булг. Родник мудрости / на калм и рус. яз. Элст: АОр «НПП «Джангар» 2006. 190 х.
3. Басаев Д. Э. Калмыцкие предания и легенды о горе Богдо // Проблемы современного калмыковедения: сб. науч. трудов. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 17–25.
4. Басаев Д. Э. О калмыцких топонимических преданиях // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 2. Отечественное востоковедение на пороге XXI века: мат-лы Всерос-сийского организационно-научного съезда. М.: ИВ РАН, 1999. С. 69–74.
5. Басаев Д. Э. Устная сказочная проза калмыков // Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост. Д. Э. Басаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. С. 5–28.
6. Каскабасов С. А. Казахская сказочная проза. Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. 238 с.
7. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. 225 с.
8. Левинтон Г. А. Легенды и мифы // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 45.
9. Мифы, легенды, предания калмыков / отв. ред. А.А. Бурыкин, Е.Н. Кузьмина, В.В. Куканова, Г.Ц. Пюрбеев. М.: Наука – Вост. лит, 2017. 367 с. — (Свод калмыцкого фольклора / ред. кол: А. И. Алиева и др.).
10. Пропп В. Я. Русская сказка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 336 с.
11. Сарангов В. Т. Фольклор калмыцкого народа [Текст]: учебное пособие. 2-е изд. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2012. 136 с.
12. Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост. Д. Э. Басаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
13. Чистов К. В. Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры фольклора народов СССР: тезисы докл. Всесоюзн. науч. конф., г. Минск, 21–23 мая 1974 г. С. 6–31.